

"ЕВРОПА-РОССИЯ": "ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ" СИСТЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В.Л. Цымбурский

Всем стало ясно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.
А.Ахматова

Я уже заканчивал первый вариант этой работы, когда мне довелось ознакомиться со статьей А.Страуса о проблемах т. н. "униполярного" мира — и убедиться в том, что история системы "Европа—Россия" проливает несколько неожиданный свет на генезис явления, о котором трактует этот автор. Пресловутая "униполярность" миропорядка, возникшего к концу XX в., в числе двух своих опорных предпосылок имеет, наряду с лидерством западного сообщества в мировой ойкумене, также и внутреннюю "униполярность" цивилизации-лидера. Между тем, можно показать, что западный мир с позднего средневековья обладал в течение многих столетий биполярной опорной структурой: разнящиеся политические оформления его в то время представляли собой способы реализации его фундаментальной биполярности. В частности, именно тем специфическим воплощением, которое получила последняя в XVIII—XIX вв., было обусловлено притяжение Российского государства к западному сообществу и возникновение системы цивилизаций "Европа—Россия" в виде геополитической целостности, вписывающей Россию в европейский конфликтный расклад. Вообще я полагаю, что для более или менее адекватного осмысления взаимоотношений России и Запада в последние три века наиболее плодотворным было бы именно закрепление в научном обиходе представления о возможности таких объектов, как системы цивилизаций.

Однако та форма западной биполярности, которой геополитически обеспечивалась и поддерживалась эта система цивилизаций, оказалась уничтожена в "Тридцатилетней войне" 1914—45 гг. Итоги этой войны открыли путь к формированию того, что я называю "квазиуниполярным Западом" — т.е. такой структуры, где второй полюс оказался конвертирован в идею внешней опасности, наличия у цивилизации внешнего антагониста, противостоящего ее консолидированному центру. В результате становления такого квазиуниполярного Запада система цивилизаций "Европа—Россия", пережив болезненно двусмысленную переходную ступень ялтинского порядка, терпит радикальный кризис и при любом развитии событий едва ли имеет шанс на возрождение в том виде, в каком ее знали предыдущие века.

ЗАПАД НА ПУТИ К КВАЗИУНИПОЛЯРНОСТИ

Нет нужды распространяться о том, что "Европа до Урала" — это такая же географическая фикция (хотя и операциональная в военно-дипломатических выкладках), как античная Европа до Танаиса-Дона, или Европа, идущая до странной линии по частям течений Дона, Волги, Камы и Оби в европейских землеописаниях XVI-XVII вв. На этот счет достаточно написано как русскими авторами прошлого и нынешнего веков (1, с.54 и ел.; 2, с.116), так и западными географами и историками (3; 4). Вряд ли оспоримо, что "Европа до Урала", совместно сотворенная в 1720-х пленным шведом Ф. Страленбергом и "птенцом гнезда Петрова" В.Н. Татищевым, а в сознании европейцев укоренявшаяся по мере успехов имперской политики России, — сама послужила когнитивным краеугольным камнем этой политики, будучи как идея изначально нагружена для русских современников Татищева цивилизационными и геостратегическими претензиями (5).

Реальный географический смысл "Европы" понимал еще А. фон Гумбольдт, который в своем "Космосе", хотя по привычке и отсчитывая ее от Урала, определяет ее тем не менее как "западный полуостров Азии" (6).

Исследователи, пишущие о восточных пределах этого полуострова, намечали два условных барьера, отделяющие его от глубины материка. Часть из них, оперируя ландшафтными, ботанико-географическими и климатическими данными, указывает на "балтийско-черноморскую перемышку..., где материк суживается" как на естественный континентальный "фронтьер" Европы-полуострова (2, с. НО, 114; 3, с. 293).

Для иных же политически ангажированных авторов более важной в структуре континента оказывалась другая разделительная черта. Еще в конце XIX в. В.И. Ламанский границу между Европой и Средним миром материка объявлял "ломанную

пограничную линию между Балтийским и Адриатическим морями,... между Данцигом и Триестом" (7), собственно очерчивающую ареал обитания романо-германских народов. Знал ли Ламанский, что еще в зрелом средневековье на Западе бытовало подобное представление о пределе "настоящей" Европы? (8). Скорее всего он не ведал и того, что в 1850-х та же черта возникла в газетном суждении Ф. Энгельса о "естественной границе России... от Данцига или Штеттина до Триеста" в случае успеха российского напора на Запад (9). И уж не гадал Ламанский, что в XX в. эта черта совпадет с полосой "послеялтинского" размежевания европейского полуострова и что мир услышит из Фултонской речи У. Черчилля о "железном занавесе, опустившемся, пересекая континент, от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике" (цит. по: 10, с. 163).

Сравнивая два возможных предела Европы, которые прочерчивались географами и политиками, не поддававшимися пропагандистской магии "Европы до Урала", придется признать: первая из этих линий, похоже, имеет смысл и физико-географический, и цивилизационный, вторая — едва ли не исключительно цивилизационный. К востоку от балтийско-черноморского "междуморья" в XV-XVII вв. кристаллизовалась и выростала первоначальная Россия как северный геополитический оплот православия. К западу от линии балтийско-адриатической локализовалось романо-германское ядро западной цивилизации, там был ее основной географический дом — до расширения Запада за Северную Атлантику, ставшую его внутренним проливом.

Романо-германская цивилизация — не просто культурная общность, но особым образом структурированная геополитическая система. Эта цивилизация складывается первоначально в западной части европейского полуострова и по-настоящему упрочивается с XI в., после окончания нашествий прирученных католицизмом норманнов и венгров. С этого времени она приобретает черты прочно защищенного ареала, практически не испытывающего сколько-нибудь серьезных экзогенных возмущений. Этот ареал был в первую очередь защищен совокупностью государственных образований, оформляющихся в балтийско-черноморско-адриатической полосе, тем самым как бы запечатывая прорыв на полуостров из глубины континента, и в значительной степени ориентирующихся конфессионально и культурно на романо-германский дом западного христианства (в то время как на своем юго-западе этот дом был существенно прикрыт от мусульманских проникновений из Африки пиренейским барьером). За все II тысячелетие коренная Европа до возникновения Ялтинской системы три раза испытывала угрозу извне, и все три раза эта угроза в той или иной форме "гасилась" государствами и народами, обретающимися на входе полуострова. Так в этой полосе выдохлось монгольское наступление XIII в. Позднее, когда в 1520-х и 1683 гг. турецкая опасность зависала над Веней, самым юго-восточным из центров коренной Европы, турки были в первый раз сильно изморожены войною на венгерских и чешских землях, а во второй раз сокрушены польским контингентом.

Эту "полуостровную" укрепленность европейского ядра против внешних инвазий стоит сравнить хотя бы со средневековой картиной Ближнего и Среднего Востока, где непрерывное движение тюрков-завоевателей из глубин материка через пустынный среднеазиатский фронтьер ислама порождает, по словам историка, "тошнотворную парадигму вечно воюющих и сменяющих друг друга неустойчивых государств с неопределенными границами" (11). Или взять Китай, который за то же последнее тысячелетие четырежды захлестывался волнами алтайских народов — киданей, чжурчженей, монголов и маньчжуров, не говоря уже о евро-атлантическом и японском нашествиях XIX—XX вв. Западная цивилизация оказывается едва ли не единственной, не только избавленной в эти века, благодаря восточному поясу географической Европы, от накатов "варварства" со стороны континента, но получившей возможность, выделив из своей среды группу государств на специальную роль "хозяев моря", осуществить для себя стремление всех цивилизаций — вступать в контакты с чужеродным миром исключительно на собственных условиях.

Развиваемое М.В. Ильиным понимание Европы XII-XV вв. как "куколки-хризалиды", "закрытой" духовной империи без единого политического центра, живущей собою и для себя (12, с. 24 и сл.), отражает этот выпавший западному миру историко-географический шанс эволюционировать, развивая исключительно те программы, которые проистекали из особенностей его внутренней структуры.

Важнейшая из таких программ в собственно геополитическом аспекте была связана с генетической биполярностью континентальной коренной Европы — биполярностью, восходящей к обособлению и конкуренции двух больших провинций раннесредневекового

Франкского королевства: разделенных Рейном Нейстрии и Австрии. К зрелому средневековью на их основе вырастают две крупнейшие западно-христианские державы — королевство Франция и Священная Римская империя германской нации, каковые в канун кризиса XIV в. тщетно попытался объединить истребитель тамплиеров Филипп Красивый (13).

Именно географически мотивированная военно-политическая замкнутость Запада на себя после эпохи крестовых походов сделала возможной ту, прослеживаемую с позднего средневековья, циклическую динамику европейского милитаризма, которой я в прошлом году посвятил специальную статью в "Полисе" (14). В этой статье читатель найдет все подробности, относящиеся к вычленению двух 150-летних милитаристских "протоциклов" XIV—XVII вв. и трех сверхдлинных военных циклов (СВЦ) Нового времени (из них два завершенных имеют ту же длительность, а в первой половине третьего мы живем). Там же проводится различие чередующихся депрессивных и экспансивных циклов, обсуждается характеризующее каждый тип циклов соотношение между возможностями мобилизации и потенциалом уничтожения, откуда проистекают и различия в эталоне военной победы: в цикле депрессивном победа — это удачная для победителя сделка сторон, в цикле же экспансивном — это лишение противника способности сопротивляться, его "уничтожение".

Так вот, легко обнаруживается, что в геополитическом плане эти циклы различаются — в прошлогодней статье это было прописано недостаточно отчетливо — спецификой и направлением эволюции конфликтных раскладов, выступающих историческими трансформами этой изначальной биполярности Запада. Думаю, имеет смысл по примеру лингвистов ввести различие между поверхностными и глубинными геополитическими структурами. Весьма похоже на то, что на протяжении депрессивных циклов закладываются и выявляются те новые структурные потенции воплощения глубинной биполярности, которые реализуются и исчерпываются в международной политике последующего экспансивного цикла, после чего Запад начинает реструктурироваться заново.

Так, депрессивный протоцикл А - с середины XIV по конец XV в. - характеризуется жестоким кризисом обеих средневековых феодально-иерархических сверхдержав, проявляющимся в одном случае Столетней войной, в другом — гуситскими войнами. Впоследствии происходит своеобразное "выздоровление" этих центров в виде консолидированных наследственных монархий, обретших вкус к собиранию территорий в форме географически связанных "тотальных полей"*. Эта структурная тенденция к становлению Европы двух конкурирующих территориально локализованных полюсов материализуется в экспансивном протоцикле В (1494—1648), когда сверхдержавы соединяются в биполярную систему открытой и жестокой борьбой за гегемонию на пространстве коренной Европы**. Вершиной и тупиком этой борьбы становится Тридцатилетняя война 1618—48 гг., а итогом ее — Вестфальский мир, утверждающий принцип баланса сил и блокирующий любые планы единого европейского господства.

* Для времени более раннего о геостратегии в Европе трудно говорить из-за сложного переплетения территориального принципа с фамильно—династическим. Члены одних и тех же династий могли на некоторое, иногда весьма краткое время обретать престолы в разных концах географической Европы (например, Анжуйская династия в Англии, Неаполе, Венгрии и Польше), причем фамильные связи в сознании представителей подобных трансрегиональных элит могли то преобладать над географически мотивированными запросами, то отодвигаться последними на второй план. Однако реальная геостратегия требует самоотжествления правящей элиты с определенным пространством, трактуемым как источник политических возможностей и императивов.

** Английскому историку XVIII в. У. Робертсону принадлежит часто цитируемое утверждение, что именно в первой половине XVI в., в дни Карла V, "власти Европы оказались оформлены как единая большая политическая система, где каждый занимал свое место (station), причем с тех пор она пребывает со значительно меньшими вариациями, чем можно было бы ожидать" (15).

На протяжении депрессивного СВЦ I (1648—1792) система живет изоциклическими перегруппировками коалиций, либо пытающихся сместить баланс сил, либо сопротивляющихся таким попыткам. В это время она приоткрывается для вовлечения в нее новых членов. Так, "владычица морей" Англия, после Столетней войны игравшая весьма ограниченную роль на континенте, с конца XVII в. становится главным европейским "балансирующим", перекидывая свой потенциал то на одну, то на другую чашу весов и тем регулируя общий расклад.

Главной же структурной тенденцией, закладывающейся в этом цикле, оказывается перспектива реорганизации и смещения восточного центра Европы. Пребывая сразу в

двух конфликтных системах, европейской и восточно-средиземноморской, и вынужденная в одной из них противостоять Франции, а в другой — Турции, да еще теряя давнюю опору в Испании, которая в XVIII в. ускользает из Габсбургского блока, Священная Римская империя (Австрия) энергично вводит в европейские игры послепетровскую Россию как свою союзницу и резерв.

Петр I — европейским культурным креном — создает лишь предпосылки новой российской геостратегии. Сам он, как и предки его — московские цари, не выходит за пределы автономной балтийско-черноморской конфликтной системы, включавшей Россию XVII в. вместе с Польшей, Турцией и Скандинавией. Самое большее — двинув солдат в 1710-х на помощь союзникам-датчанам против шведов в Померанию и Гольштейн, Петр прикоснулся к звену балтийско-черноморской системы, где та уже пересекалась в Германии с системой коренной Европы. Включение же России в баланс Запада совершается при его преемниках, столь незначительных в глазах российских историков. "Судьбоносной" датой нашего нового самоопределения надо считать 6 августа 1726 г., когда при Екатерине I Империя входит в блок с Австрией и Испанией против западноевропейских же монархий — Англии, Франции и Пруссии. После этого, соотнеся себя с Европой за балтийско-черноморско-адриатическим преддверием, она начинает отсчитывать от Урала ту часть света, которая, согласно Татищеву, "по обилию, наукам, силе и славе... преимуществует" (16). Так русские оказываются в коренной Европе на правах мощной опоры слабеего восточного центра (Австрии): такова их реальная роль во всех без исключения европейских войнах XVIII в.

Между тем, ввиду намечающихся европейских перемен на германских землях, новым "разбойничьим" субцентром поднимается Пруссия, ошпыливая Австрию и пытаясь переманить Россию в свои союзники. Таким образом, главные структурные тенденции, обозначающиеся в этом цикле, можно сформулировать так: введение Англии ("державы-острова"), России ("неевропейской державы") и северной германской монархии в поверхностную структуру коренной континентальной Европы на правах "больших запасных", при все более отчетливом оттягивании на себя потенциала традиционного восточного центра Пруссией и Россией*.

* Этой общей картине не противоречит и Семилетняя война, когда оба центра оказались, единственный раз в их истории, сплочены против неожиданного союза "разбойничьего" прусского субцентра с державой-"балансиром". С точки зрения XVIII в., политика России в эту войну характеризуется вовсе не союзом с Францией против германского государства, но колебанием между проавстрийской и пропрусской ориентациями с предпочтением Вены как традиционного восточного центра.

Эти тенденции до конца материализуются в экспансивном СВЦ II (1792—1945). Крупнейшим его сюжетом становится закат Австрии и имперское возвеличение Пруссии. Но параллельно с начала цикла в планах российских политиков и идеологов маячит перехват "австрийского наследства". Уже в 1790-х последний екатерининский фаворит П.А. Зубов предлагает проект Российской империи с Берлином и Веной как западными столицами (17). В начале 1830-х величайший русский святой Серафим Саровский прорицает о близящемся разделе и умалении Австрии при поглощении немалой части ее земель Россией (18). В конце 1840-х Тютчев в "России и Западе" расценивает российский поход в австрийские земли на подавление венгерской революции как первый шаг к интеграции Австрии и Италии в новую Империю Востока (19). Через 20 лет после Тютчева Данилевский вновь напишет об Австрии как о стране, "потерявшей всякий смысл" своего существования (1, с. 362).

В пору Священного Союза Россия по влиянию казалась предельно близка к роли восточного центра. Но в том и состояло лукавство эпохи, что своим влиянием в германских землях наша Империя была обязана легитимистским принципам, обращавшим ее мощь на сохранение и упрочение Австрии. Ликвидация традиционного восточного центра откладывается, а с ним и прояснение отношений между "наследниками". Откат России из Европы после Крымской войны немедленно обрекает Австрию на крушение и дает Пруссии фору: объединяя Германию, Берлин в последней четверти XIX в. берет Австрию на политический буксир, чтобы к концу цикла интегрировать все бывшие земли этой империи в "тотальное поле" Третьего рейха. Но логика европейской глубинной bipolarности делала как Второй, так и Третий рейх, носителями той самой структурной функции, на которую должна была претендовать Россия всякий раз, когда она, "вернувшись из Евразии", пыталась вновь утвердиться в делах и судьбах Европы. Антагонизм Германии и России, укореняющийся в конце XIX в., всецело объясняется жестокостью борьбы за "австрийское наследство" в системе Европы. Наследство, давно расколотое и раздробленное на поверхностном уровне военно-политической текучки, но

неделимое с точки зрения инвариантной глубинной структуры западного мира, побуждающей каждую из стран-"наследниц" к попыткам единолично реконсолидировать восточный центр**.

** То, что я зову "глубинной геополитической структурой", иной, пожалуй, определил бы как "императивную память о более раннем состоянии системы".

Между тем за последним своим наполеоновским взлетом в начале цикла Франция обнаруживает в войнах второй половины XIX и первой половины XX вв. явную неспособность противостоять новой Германии. Как следствие, во время "Тридцатилетней войны" 1914—45 гг. роль западного центра прочно переходит к выступающим французскими союзниками "державам-островам" — к Англии, перерастающей свою прежнюю функцию державы-"балансира", а затем к США. Германия оказывается под двойным ударом: со стороны западного центра как структурного оппонента и со стороны России как конкурента "в борьбе за роль". Этим обуславливается сближение на поверхностном уровне военной политики между Россией и странами, теперь представляющими и в Европе в расширенной Евро-Атлантике западный центр, — против определившегося восточного центра.

Мы убеждаемся в уже сказанном выше: 150-летние сверхдлинные циклы группируются попарно в мегациклы, или, если угодно, юги (в санскритском этимологическом значении этого термина — "пара, упряжка"), ритмически образующие как бы "вдох-выдох" западной системы: обнаружение новых структурных возможностей трансформированного выражения европейской биполярности — и, соответственно, воплощение этих возможностей с их изживанием.

Европа, системно организованная противостоянием Франции и Священной Римской империи, определившись как тенденция в протоцикле А, становится суровой реальностью протоцикла В. Европа, сфокусированная на отношениях "прусской" Германии, России и "держав-островов", обретшая свои предпосылки в СВЦ I, реализуется на протяжении СВЦ II. И, наконец, в начале СВЦ III мы видим закладку тех новых тенденций организации Запада, которые первоначально обнаруживаются странной раздвоенностью статуса и роли послевоенного СССР на европейском полуострове.

Могло бы представиться, что к концу жизни Сталина Империя в ее большевистской аранжировке осуществила, наконец, полуторавековые устремления. Германия как держательница восточного центра была сокрушена двусторонним ударом, остаточная Австрия сведена к положению буфера, ее славянские и венгерские приделы включены в советскую систему вместе с прусским ядром Второго и Третьего рейхов. Разве СССР не вступил во владение "австрийским наследством"? Разве древняя австро-французская биполярность, пройдя на протяжении СВЦ I—II через вышеописанные трансформации, не обрела своего инобытия в советско-американской поляризации новой Евро-Атлантики? Но, как бывает в драмах, исполнение желаний оказывается крушением надежд.

Не надо мистифицирующих формулировок вроде того, что, мол, оба новых центра лежали вне коренной Европы, ставшей ареною столкновения заокеанской и евразийской сверхдержав. Реальность была не столь утешительна для СССР. На деле практически весь опорный ареал цивилизации, с которой соотносила себя Империя, оказывался консолидирован против нее под протекторатом США, великого европейского "острова", СССР же собрал под себя маргинальное преддверие географической Европы, исторически прикрывавшее цивилизацию со стороны континента. Биполярность сохранялась, но она перестала быть внутренней геостратегической биполярностью Запада, — и в этом результате ничего не изменил советский прихват прусско-саксонских земель восточнее Эльбы. В качестве защитника или союзника СССР утерял значимость для наций коренной Европы, — может быть, за вычетом ограниченного слоя "осей", которых он в этой ситуации совершенно не смог использовать (об этом ниже). Западный центр, хотя сперва и смещенный за океан, становится практически единственным центром романо-германского цивилизованного сообщества, восточный же преобразуется во внешнюю силу, угрожающе орудующую за балтийско-адриатическим железным занавесом. Впервые в этом тысячелетии вся коренная Европа всерьез осознает себя под непосредственной угрозой завоевания со стороны силы, более не интегрированной в романо-германские игры за гегемонию и баланс, но противостоящей Западу как этнографическому целому.

Положение было парадоксальным для России-СССР, обретающейся в максимуме своего наступления на Запад и, однако же, полностью вне западного мира. Но не менее переломным он был и для истории Евро-Атлантики, утрачивающей свою географическую "оукленность" вместе с ускользанием восточного центра за грань Европы *stricto sensu* и с переосмыслением его во внешнюю опасность. Так намечается "вдох" новой милитаристской юги Запада.

РОССИЯ В ДВУХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РИТМАХ

Поглядим теперь на события тех же столетий с российской стороны. Три с лишним года назад в статье "Остров Россия" я писал о том, как попадание России с XVIII в. в сферу притяжения цивилизации Запада вызывает к жизни специфическую геостратегию "похищения Европы". Позже мною было выявлено, что "похищение Европы" реализуется в нашей истории в виде повторяющихся событийных циклов с устойчивым алгоритмом (20).

Не буду здесь пересказывать в деталях, как Россия меньше чем за три века проходила три раза цикл, неизменно состоящий из пяти фаз, где четыре непосредственно образуют "европохитительский" сюжет, а пятая — "закат", или "осень", цикла — имеет характер евразийской интермедии. В такие интермедии отброшенная из Европы Россия пытается в обход влиять на мировую, т.е. евро-атлантическую политику, оперируя, главным образом, на пространстве между Каспием и Тихим океаном. Результаты, на которые я намерен опираться в дальнейшем обсуждении, суммированы в табл. I.

Таблица I. Российские циклы "похищения Европы"

	Фаза А. Россия — вспомогательная сила в европейской борьбе за гегемонию или равновесие	Фаза В. Западная интервенция в Россию	Фаза С. Отражение интервенции и притязание России на роль державы-гегемона	Фаза Д. Откат России под соединенным давлением Запада	Евразийская интермедия
Цикл I	Политика России с 1726 по 1812 гг., войны в союзе с Австрией, в 1807 г. — раздел географической Европы по сговору с Наполеоном I	Интервенция Наполеона I (1812г.)	Походы 1813— 14 гг. и эпоха Священного Союза (1815— 53гг.)	Крымская война 1853— 56гг.	1857—1905*: экспансия в Среднюю Азию, Приамурье, Маньчжурию
Цикл II	Участие России в Антанте (1906— 17гг.)	Интервенция Центрального блока и Антанты (1918— 19гг.)	Попытка экспорта революции в Европу в начале 1920-х	Середина 1920-х, "дух Локар-но", отбрасывание большевизма из Европы	"Социализм в одной стране", умиротворение Средней Азии, протекторат над Монголией, борьба с Японией в конце 30-х
Цикл III	Пакт Риббентропа, политика 1939— 40гг.	Интервенция Третьего рейха	Наступление в Европе в 1944— 45гг. и ялтинская эпоха	Кризис второй половины 80-х и начала 90-х, роспуск СССР, уход российских войск с европейского полуострова	Предпосылки "евразийской фазы" в 90-х: идея "ближнего зарубежья", напряжение по дуге от Кавказа до Приморья

* О политике 1870-х см. специально в тексте статьи.

Работая с этой таблицей, можно подметить, что с определенными фазами цикла бывают связаны характерные тенденции и ориентировки нашей политической мысли, имеющие явную геостратегическую подоплеку. Так, для "европейских максимумов" Империи (фаза С) типичны идеологемы, постулирующие соединение России с Европой в единый "гроссраум" по российской инициативе, часто агрессивно-мессианистской. Напротив, наши "евразийские интермедии" представляют золотые времена для разных доктрин обустройства автономного "российского мира", не контролируемого или лишь формально контролируемого Западом. Конечно, каждый из этих инвариантов допускает различные идеологические аранжировки. Мессианистскую инициативу России ее императоры — лидеры Священного Союза трактовали иначе, нежели их современник Ф.И. Тютчев, проектировавший "другую Европу — Россию будущего" в виде паневропейской православной монархии (21). И уж совсем по-иному мыслили ее большевики, рвавшие в 1920 г. к границам взбудораженной версальским позором Германии. Самодовлеющий

"российский мир" виделся Н.Я. Данилевскому с его идеей Всеславянского союза не так, как ранним евразийцам с их "славяно-туранской Россией—Евразией" или как Сталину времен строительства "социализма в одной стране". Можно сказать, что геостратегический инвариант, лежащий за каждым из этих пучков идеологических сюжетов, представляет их общую продуцирующую модель, которая актуализируется каждый раз, когда Россия входит в соответствующую фазу своего цикла.

Но в первой своей проработке концепция "циклов похищения Европы" вызывала и такие вопросы, на которые у меня не было ответов. Главный из них был связан с хронологической неравномерностью в реализации выявленного алгоритма. Я не мог объяснить, почему "европохитительские четырехтактники" колеблются в продолжительности от 15—16 до 130—140 лет, а евразийские интермедии — от 15 до 50. Из той или иной точки цикла в принципе легко можно представить, как сюжет должен развиваться дальше. Но поскольку однотипные фазы могут то сжиматься, то растягиваться во времени, оказываются совершенно непредсказуемыми сроки, в которые следует ожидать наступления тех или иных, предусмотренных фабулой цикла, перипетий.

Почему так происходит? Ссылки на внутренние факторы отечественной истории плохо помогли делу. Казалось бы, самым ярким проявлением такого фактора могли бы считаться революции 1917г., которые положили конец участию России в Антанте и дали стимул к интервенции борющихся евро-атлантических блоков на земли разрушающейся Империи. Но ведь известно: сама февральская революция была в огромной мере подготовлена застоєм на фронтах, а вместе с тем — толками о немецком шпионаже "на самом верху" и о склонности режима к сепаратному миру. За революциями 1917г. уже стоит кризис фазы А в нашем геостратегическом цикле — фазы сотрудничества России с некой группой европейских держав в их борьбе за определенный европейский и мировой порядок. Спрашивается, почему в первом цикле эта фаза длится почти 90 лет (1726—1812), а во втором и третьем приходит к кризису то за Шлет (1906—17), то меньше, чем за два года (1939—41)?

Только с разработкой концепции СВЦ Запада оказалось возможным в общем виде разрешить вопросы, относящиеся к темпам протекания геостратегического цикла России. Со времени подключения России к европейской системе ее военно-политическая история определяется взаимоналожением двух одновременно развивающихся сюжетов. Один из них основан на ритме СВЦ, и Россия подчинена этому ритму как элемент притянувшей ее системы в числе иных элементов — евро-атлантических государств. Ее роль в данном сюжете определяется, как мы видели, преобразованиями восточного центра в биполярной структуре Запада. Другой сюжет задается развертыванием "европохитительских" циклов, и в его рамках Россия и Запад играют друг с другом как два самостоятельных, отдельных сообщества-контрагента. Причем роли России в этом сюжете сменяются в одной и той же последовательности: "вспомогательная внешняя сила во внутренних тяжбах Запада" — "жертва западной агрессии" — "претендент на гегемонию" — "отбрасываемый Западом антагонист" — "евразийский аутсайдер Европы". Попытаемся оценить характер взаимодействия этих двух, столь разных по своей "грамматике" сюжетов.

В моей прошлогодней статье о сверхдлинных военных циклах (14) было подмечено, что в прошлой истории Запада циклы каждого типа — депрессивного и экспансивного — по-видимому отличает особое внутреннее строение. В экспансивных циклах большие столкновения ведущих держав наблюдаем в инициальные 50—70 лет, когда утверждается новое видение победы и отвечающий ему масштаб военно-политических целей, а также в финальном 30-летию — в фазе всеобщей "Тридцатилетней войны". Середина же таких циклов выглядит интермедией: державы, решая задачи в собственных границах и в своих сферах влияния-"империях", избегают прямого столкновения друг с другом, — хотя именно к концу этой фазы созревают проекты большого передела коренной Европы и контролируемого ею мира. Напротив, циклы депрессивные отличает снижение масштаба милитаристской активности держав в инициальной и особенно в финальной фазах, при ее резком всплеске в медиальном 60-летию, в котором участники игры позволяют себе ставить большие задачи типа созидания или разрушения империй, хотя и соотносят решения этих задач с эталоном победы как "сделки". Далее я привожу структурную таблицу только для СВЦ I—III Нового времени, т.е. периодов, когда Россия как военная сила присутствует в жизни коренной Европы, проходя в отношениях с нею через свои собственные ("европохитительские") геостратегические циклы.

Таблица II. Сверхдлинные военные циклы (СВЦ) Запада в Новое время

	Инициаль	Медиаль	Финаль
СВЦ I, депрессивный, 1648—1792	Редукция больших гегемонистских целей к ограниченным, локальным задачам (1648—99). Войны Людовика XIV	Постановка новых больших целей в рамках "суженного" эталона победы-сделки (1700—63). Войны за "наследства"	Стратегический пат (1763—92)
СВЦ II, экспансивный, 1792—1945	Милитаристский прилив в два приступа (1792-1815, 1848—1871). Становление "наполеоновско-клаузеви-цевского" эталона победы" — "уничтожения противника"	Интермедия: колониальный дележ мира, формирование антагонистических блоков с их проектами Европы и мира	"Тридцатилетняя война" (1914—45)
СВЦ III, депрессивный	Редукция больших гегемонистских целей к локальным задачам, доктрина "ограниченной войны" (1946—91, условно)	Попытки постановки новых больших целей в рамках "суженного" эталона победы (с 1990-х)	

Сопоставим теперь две предложенные таблицы, порознь представляющие какой-то один из двух военно-политических сюжетов, в которых одновременно живет имперская Россия. На протяжении СВЦ I—III она 14 раз переживает фазовые переходы в своем цикле, т.е. 14 раз изменяет свое ролевое отношение к западному миру. Как же распределяются эти смены ролей по периодам истории западного милитаризма?

Мы помним, что Россия впервые "входит в Европу" на протяжении отмеченной крупными войнами медиаля депрессивного СВЦ I. Весь этот период она — резерв Австрии то против Франции, то против возвышающейся Пруссии (с оговоркой насчет попытки прусской переориентации при Петре III). Ее европейский вес между 1726 и 1763 гг. намного возрастает, но принципиальная роль остается прежней.

Затем России, уже встроившейся в западный баланс, исключительно идет на пользу своеобразный стратегический пат, который на 30 лет наступает в Европе после Семилетней войны и образует финаль в данном депрессивном цикле (14, с. 36). Запад убежден в бесперспективности новой европейской войны — и Екатерина II, вмешавшись в тупиковый австро-прусский спор за баварское наследство и выступив как гарант мира, определяет формулу компромисса. Избегая столкновений, германские державы предпочитают делить "ничейную" Польшу — и Россия, поучаствовав в дележе, приближается к географическому ядру европейской цивилизации. Но эти успехи нас не должны обманывать: Империя в своем цикле за все это время не выходит из фазы вспомогательного соучастия в европейской игре, говорить можно лишь о внутрифазовых подвижках.

Тем временем наступает затяжная, как бы раздвоенная 30-летней паузой Священного Союза инициаль экспансивного СВЦ II — и смена ролей в цикле России резко ускоряется. Из соучастницы Тильзитского сговора* она превращается в добычу "двунадесяти языков", а затем в "освободительницу Европы" и лидера Священного Союза, где Александр I красуется "царем царей". На 30 лет она застывает в гегемонистском пике. Но новый приступ того же милитаристского прилива в 1848 г. приводит в движение также и механизмы нашего геостратегического цикла, и за 10 лет Империя сперва теряет европейский авторитет в Крымской войне, а затем открывает евразийскую интермедию аннексией междуречья Амура и Уссури. Простое сравнение двух интервалов по 66 лет — 1726—92 и 1792—1858 — впечатляет разницей в темпах протекания цикла: замедленной проработке в первом случае одной и той же фазы — одной и той же роли! — отвечают четыре фазовых перехода во втором.

* Тильзитский мир означал формальное устранение России от дел коренной Европы, подготавливая низведение в 1809 г Австрийской империи, лишаемой титула "Священной Римской", до ранга субцентра, подчиненного Парижу. Однако, будучи сговором Наполеона и Александра, "Тильзит" не был их союзом: Россия как бы выходит на несколько лет из Европы и тем самым "сдает" Наполеону Австрию, тем не менее не принимая участия в войне 1809 г. на стороне Франции.

Зато как же бурно ускоряется наш цикл в замыкающую СВЦ II "Тридцатилетнюю войну" 1914—45 гг. с 10 годами ее непосредственной подготовки! За это время России сперва проносится через все пять фаз по второму кругу: "возвращается" в Европу как член Антанты, переживает интервенцию, в начале 20-х пытается вновь прорваться в Германию уже как гегемон европейской революции, терпит крах этих попыток и проходит через вторую евразийскую интермедию "социализма в одной стране". Но в ту же финаль экспансивного СВЦ Россия—СССР успевает открыть свой цикл в третий раз и за шесть

лет совершает три фазовых "перескока": партнером Третьего рейха поддерживает "новый порядок" на европейском полуострове, оказывается под ударом гитлеровской Пан-Европы, а затем, отбив ее напор, накладывает руку на земли "от Штеттина до Триеста". Семь фазовых перемен за 30 лет!

И после столь головокружительного раскручивания в третий раз начала цикла СССР на новом гегемонистском взлете — при всей обрисованной выше амбивалентности "европейского максимума вне настоящей Европы" — застигнут инициально наступающего депрессивного СВЦ III, с явственным новым перевесом уничтожения над мобилизацией. 40 лет сверхдержава пребывает в этом "максимуме", конечно же, с внутрифазовыми подвижками внутри него, пока ее надлом и откат уже в настоящее время не вводит СВЦ III в его медиаль, когда по всему Западу Евро-Азии расцветают "имперские" и "антиимперские" проекты, увязанные с пониманием победы как сделки, а стрельбы — как "более энергичного способа вести переговоры" (22).

Сведем все сказанное еще в одну, уже последнюю таблицу.

Таблица III. Соотношение между движением СВЦ Запада и российскими геостратегическими циклами

	СВЦ I		СВЦ II			СВЦ III	
	медиаль	финаль	инициаль	медиаль	финаль	инициаль	медиаль
Число фазовых переходов в геостратегическом цикле России	1	0	4	1	7	0	1

Таблица показывает вполне определенно, что ускорения и замедления нашего геостратегического цикла, при всей оригинальности его "европохитительского сюжета", определяются характером движения СВЦ Запада. Из 14 фазовых переходов 11 приходится на бурные инициаль и финаль экспансивного СВЦ II. Зато в начальных и конечных периодах депрессивных СВЦ — будь то в 1763—92 или 1945—85 — Россия, похоже, не меняет фазовых характеристик в своем цикле, лишь уменьшая или ухудшая положение в пределах фазы. Наконец, промежуточное воздействие на российский цикл оказывают медиали в СВЦ обоих типов — как экспансивного, так и депрессивного. Между 1700 и 1763 гг. Россия впервые "притягивается" к Европе. Между 1871 и 1914 она, отбив затяжную евразийскую интермедию "от Севастополя до Порт-Артура", включается в большую европейскую политику с франко-английской подачи. Наконец, сжатие тотального поля России в начале медиали нынешнего СВЦ (1990-е) выглядит еще не началом нашей новой евразийской эпохи, но всего лишь затяжным переживанием надломной фазы Д, разве что с намеками на возможность "игры в Евразии". Похоже, до сих пор, медиали СВЦ бывали отмечены в цикле России не более, чем одним фазовым изменением, причем на тот же временной отрезок приходились либо длительная подготовка этого изменения, либо не менее затяжное освоение новой ситуации, — что, по-видимому, и сейчас происходит с русскими.

Выходит, Империя с XVIII в. не просто существует сразу в двух военно-политических ритмах — в одном как часть Евро-Атлантики, а в другом как автономное сообщество, сопутствующее этой цивилизации и пребывающее с нею в упорядоченном чередовании сближений и дистанцирований, агрессий и контраступлений. Но еще важнее то, что именно первый из этих ритмов создает разрешающие и запрещающие контекстные условия для тех или иных форм и темпов реализации второго. Энергию своего "европохитительского" цикла Россия черпает в динамике западного милитаризма.

Эта зависимость обнаруживается не только при сопоставлении долгосрочных графиков двух ритмов. На нее указывает также и анализ конкретных казусов, один из которых я сейчас разберу как особенно поучительной по своим следствиям для российских политиков. Речь пойдет о российской внешнеполитической активности 1870-х, которая своим западным креном резко вклинивается в десятилетия первой евразийской интермедии. Я имею в виду такие факты, как русско-германская военная конвенция 1873 г., создание Союза трех императоров, вмешательство России в германо-французский кризис 1875 г., затем русско-турецкую войну и, наконец, фиаско Империи на Берлинском конгрессе. Прежде все эти события рассматривались мною как своеобразная "кода" — попытка продолжения — нашего первого цикла "похищения Европы", оборванного Крымской войной, так что решения Берлинского конгресса оказывались в своем роде "исправленным изданием" Парижского мира 1856 г., отбросившего Россию из Европы

(такая трактовка присутствовала в моей статье "Циклы похищения Европы"). Думается, мое прежнее понимание некорректно: в политике России 1870-х не найти следов той гегемонистской самоуверенности, с какой она шла навстречу Крымской войне.

Вся эта политика начинается со знаменитого циркуляра Горчакова (1870 г.), уничтожившего в связи с победой Пруссии над Францией стеснительные для России пункты Парижского мира. С этим косвенным сотрудничеством Петербурга и Берлина во франко-прусскую войну был связан и несостоявшийся российско-германский военный блок 1873 г. На практике он вырождается в Союз трех императоров, консультативное образование, используемое Россией для легитимизации ее балканской политики, но также страхующее германские и австро-венгерские позиции в Европе. Да и кризис 1875 г., когда Империя постаралась продемонстрировать Западу свое сдерживающее влияние на немцев, обнаруживает, прежде всего, ее стремление вписаться в систему соглашений и взаимных услуг, которая бы оформила возвращение России в Европу как участницы в играх вокруг нового баланса, созданного войнами с 1850-х по начало 1870-х. Вспомним, что первой из этих войн была Крымская война, вытолкнувшая Россию в Азию. Последующими были надломлены Австрия и Франция, зато созданы Германская империя и Итальянское королевство. Активизируясь вновь в Европе после 15-летней фазы среднеазиатских и дальневосточных приобретений, Империя как бы пытается проскочить в фазу А своего нового геостратегического цикла на гребне того же милитаристского прилива, который отбросил ее на восток в 1850-х. Видя перед собою обновленную Европу, где восточный центр уже сформирован Вторым рейхом, Россия пытается войти в соглашение с этой силой и в то же время утвердить свое влияние на нее.

Но эта попытка открыть в 1870-х новый цикл "похищения Европы" проваливается, поскольку состояние европейской системы после франко-прусской войны оценено было имперским руководством России неверно. Предыдущими войнами двух десятилетий вначале завершается затянувшаяся и как бы раздвоенная эпохой Священного Союза инициаль экспансивного СВЦII, когда в Европе и в России утверждается новая военная парадигма, опирающаяся на идеал наполеоновских войн, дополненный стратегией Мольтке-старшего. Франко-прусская война, реструктурировавшая до конца восточный центр Европы и впервые обнаружившая ослабление Франции, с точки зрения структуры СВЦ исчерпывает этот инициальный милитаристский прилив, а вовсе не оказывается залогом больших международных переговоров в ближайшем будущем.

Россия пробует вписаться вновь в Европу тогда, когда европейский экспансивный СВЦ входит в передышку-интермедию, большая игра угасает и в неочевидности перспектив, открываемых создавшимся порядком, в русских как союзниках никто особенно не заинтересован. Франции хочется лишь того, чтобы немцы на нее не напали еще раз, Германии — чтобы французы не добивались реванша (на что те и так пока не способны) и чтобы Россия не ущемляла уже прибираемую под германское крыло Австро-Венгрию; последней бы желалось, чтобы русским духом не очень пахло на Балканах, а Англии — чтобы русские не маячили ни в Средиземноморье, ни в Азии. Все усиленно занимаются домашними делами и вскоре приступят к оборудованию колониальных империй на вакантных "варварских" пространствах. До новых планов перекройки Европы и мира дело дойдет через 20—30 лет. Тогда будет востребована и Россия.

Провал горчаковской политики 1870-х проистекал из того, что она нацеливала Империю на новый фазовый переход в российском геостратегическом цикле, тогда как синхронная среднесрочная тенденция западного СВЦ полностью исключала — блокировала — подобный переход. Крупнейший русский дипломат прошлого века неверно расценил "знамения времени" — и неудача этого десятилетия вновь поворачивает Россию к Средней Азии и Монголии, Тибету и Маньчжурии.

В совокупности своей факты, рассмотренные в этой главе, ставят нас перед вопросом: если ритм 150-летних милитаристских циклов с конца средневековья является одной из принципиальных характеристик функционирования западного мира, то что же может говорить о статусе России соединение в ее истории данного европейского военно-политического ритма с разворачиванием "европохитительских" циклов? Именно здесь, на мой взгляд, начинает работать понятие "системы цивилизаций".

"ЕВРОПА—РОССИЯ" КАК СИСТЕМА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Я вполне готов здесь принять предложенное недавно толкование "цивилизации" как народа или группы народов, в своей истории переживающих или уже переживших фазу Империи, которая воспринимает себя на правах воплощения всеблагого Мирового Града и в силу этого готова диктовать свои стандарты всей ойкумене (12, с. 18 и сл.). Во всяком случае, с большинством известных цивилизаций (или "высоких культур" по Шпенглеру) историку можно работать, исходя из такого понимания*. К тому же оно согласуется с тем, что системы цивилизаций, когда Мировые Грады отчетливо признавали бы свое культурное сродство и в то же время, сосуществуя в близких ареалах, не поглощали бы друг друга, в истории чрезвычайно редки.

* Интересный случай - античная цивилизация, которая живет идеалом Мирового Града, Мира - как -Полиса, задолго до его практического воплощения в эллинистическом и римском имперостроительстве. Возможно, нечто подобное найдем в шумерской Месопотамии и в юности иных цивилизаций.

Тем не менее можно назвать по крайней мере два случая, когда цивилизации образуют бинарные системы, причем один из элементов системы играет роль "цивилизации-хозяина", а другой, более молодой, выступает как "цивилизация-спутник". Самый наглядный пример — это дальневосточная (т.н. конфуцианско-буддистская) цивилизационная система, внутри которой выделяются в последние полтора тысячелетия "цивилизация-хозяин" — Китай с его континентальными приделами (Кореей, Юго-Восточной Азией, приалтайскими областями) и "цивилизация-спутник" Япония.

Подобно всем цивилизациям Япония выступает как "особое человечество на особой земле", сплоченное вокруг собственной сакральной вертикали, проецирующей существование страны Ниппон в план "последних", всемирных и трансцендентных реальностей, ценностей и причин. Кроме того, как все цивилизации в собственном смысле — и в отличие, скажем, от священных царств Иерусалима и Тибета, — Япония имеет за собою опыт государственности, пережитой как универсальная земная империя "истинного" человечества. К тому же Япония демонстрирует собственную диахронную модель социо- и политогенеза, отличную от китайской и в некоторых отношениях (например, в том, что касается японского феодализма и становления городского общества) обнаруживающую скорее аналогии с обществами Евро-Атлантики. Но все это сочетается с широчайшим использованием культурных и религиозных, а в начале японской истории также и политических форм, выработанных Китаем.

Думается, бесконечный спор о цивилизационных отношениях между Евро-Атлантикой и Россией может быть по-новому осмыслен с признанием того положения, что Россия последних трех веков выступает "цивилизацией-спутником" Запада так же, как Япония в отношении Китая. Обладая особой географической нишей и собственным этническим ядром, освященными специфической, хотя и обновляемой во временах сакральной вертикали, пережившая имперский опыт созидания Мирового Града, религиозно или квазирелигиозно соотносимого с "последними целями" бытия человечества, — Россия восприняла гигантский массив западных заимствований, адаптировав их к своей матрице социофункциональных предпочтений и к своей исторической ритмике.

Именно Япония и Россия вполне обнаруживают различие в типах геополитических отношений, способных устанавливаться внутри системы цивилизаций между цивилизацией-хозяином и цивилизацией-спутником. По конец XIX в. военное присутствие Японии в китайской истории почти до неощутимости мало по сравнению со значением континентальных, в том числе "варварских" пределов Поднебесной империи. За 15 веков существования дальневосточной системы цивилизаций Япония лишь два раза, в конце XVI в. и в конце XIX — первой половине XX вв., пробовала охватить имперским строительством восток Азиатского континента. Причем только во второй раз она не ограничилась корейской периферией Китая, но стремилась включить в "тотальное поле" своей империи географическое ядро китайской цивилизации. Сам же Китай никогда не обнаруживал склонности к морской экспансии, способной абсорбировать островную нишу Японии. Мы можем рассматривать общность "Китай—Япония" как пример системы цивилизаций с минимальным геостратегическим компонентом.

Система "Европа—Россия" с самого начала складывалась на совершенно иных принципах. Реальную картину ее формирования отчасти затемнили историки, мотивирующие "европеизацию" России предыдущим польским и шведским военным вызовом. Они не учитывают двух вещей. Во-первых, этот вызов той мере, в какой он был в XVII в. реальностью, никак не выводил Россию из балтийско-черноморской системы, маргинальной для европейского полуострова. Во-вторых, уже к концу XVII в. Россия берет

верх над хиреющей Польшей, вмешиваясь в избрание ее королей, а первичная модернизация армии при Петре I делает русских абсолютными гегемонами в северной части данной системы с широчайшим вмешательством даже и в шведские внутренние дела. К 1720-м былой "вызов" поляков и шведов уже с лихвой перекрыт русским "ответом". Теория "вызова" не объясняет интеграции России в европейский конфликтный расклад, происходящей во второй четверти XVIII в. как бы "скачком", поверх лимитрофов, еще вполне отделяющих русских от романо-германской Европы, из которой до них никакой "вызов" не долетал. Это ускоренное послепетровское втягивание новообразованной Империи в военную политику мира за балтийско-черноморско-адриатической полосой должно объясняться иначе: именно тем, что Запад как биполярная система во время СВЦ и особенно радикально после войны за Испанское наследство приоткрывается для наращивания своего слабеющего восточного центра силами России.

Итак, культурно-стилевая ориентация верхов Империи на Запад почти с самого начала дополняется оформлением системы "Европа—Россия" в качестве образования геополитического. Цивилизация-спутник прямо включается в силовой баланс цивилизации-хозяина: на протяжении СВЦ I-II "мутирующая" биполярность Запада в разных ее трансформах становится основанием для подкрепляющей культурную конвергенцию милитаристской спайки двух человечеств. Но параллельно в своем взаимодействии эти сцепленные сообщества вырабатывают устойчивую схему "ев-ропохитительского" цикла — и показательно, что эта схема в некоторых фазах цикла направляет поведение не только цивилизации-спутника, но и народов цивилизации-хозяина*. К примеру, практически все западные вторжения этих веков в Россию либо изначально имеют форму больших коалиционных походов, предельно символически символизирующих солидарность цивилизации в столкновении со спутником-антагонистом ("нашествие двенадцати языков", Крымская коалиция, интервенция Антанты), либо, по крайней мере, как в случае с Гитлером, интервент старается — и на первых порах небезуспешно — разыграть существование "антирусского европейского фронта" от Швеции до Испании (23). В то же время неоспоримо, что идеологические проекты, которыми в России оформляются наиболее контрастные фазы цикла, представляют, концентрируясь вокруг инвариантов "российского мира" и, с другой стороны, "российско-европейского гроссраума", различные проекции-воплощения цивилизационной идеи совершенного Мирового Града.

* Любопытно здесь хотя бы поставить вопрос о том, не проявляется ли в какой-то мере подобное двуритмие, взаимоналожение двух различных ритмов и в других планах функционирования системы цивилизаций — скажем, в идеологическом или культурно-стилевом.

Ключевой вопрос эволюции системы "Европа—Россия" был связан с тем, возможно ли в конечном счете создание восточного центра романо-германской Европы на базе России, "цивилизации-спутника" с ее опорным ядром, лежащим вне западноевропейского этногеографического дома? В европейских максимумах первого и второго из "европохитительских" циклов (в эпоху Священного Союза и в 1920 г.) динамика системы приближается к той грани, за которой Россия образовала бы тотальное поле со значительной частью западноевропейского ареала, практически становясь псевдонимом для европейского восточного центра — вариант, который нес бы с собою реальные возможности самоколонизации России. В 1922 г. Н.С. Трубецкой, допуская, что ленинско-зиновьевский Коминтерн преуспеет с курсом на европейскую революцию, видел неизбежным следствием такой экспансии возвращение и поддержку "благополучия образцовых коммунистических государств Европы" — "потом и кровью русского рабочего и крестьянина" (24). Но на деле подобная же перспектива прочерчивается и в глубине созревавшего при Священном Союзе тютчевского проекта "другой Европы — России будущего", с включением Австрии, Германии и Италии, со столицами в Константинополе и оправославленном Риме, где бы "господствовали над миром" "новые поколения с совсем иными воззрениями и убеждениями" (25). Тем не менее алгоритм геостратегического цикла России в обоих случаях из пика претензий переводил ее в положение отбрасываемого сплоченным Западом противника, а затем — "евразийского аутсайдера" Европы, обуславливая в одном случае консолидацию восточного центра вокруг Второго рейха, а в другом — вокруг Третьего.

Исследователи, занимающиеся истоками холодной войны, отмечают, что присутствие советских войск в еще не разделенной Германии 1945—46 гг. и переход советских властей от репарационного разграбления немецкого востока к поощрению его индустриальной реконструкции, порождает в западных руководствах страхи — вполне обусловленные логикой "европохитительского" цикла. Это были страхи перед возможностью доступа России—СССР к потенциалу Рура и перед призраками советско-германского блока (26). С учетом этих фактов П. Чилтоном в его недавней книге блестяще показано, как подобные

тревоги тогда же воплощаются в англо-американском политическом дискурсе, оперирующем метаформами наглухо разделенных "пространств-контейнеров" — "контейнера" СССР и "контейнера" защищаемой от его наступления Евро-Атлантики (10).

Раздел европейского полуострова, одновременно раздробивший Германию, свел к минимуму шансы формирования нового центра романо-германского мира на российско-советской базе. Осколочность советизированной Восточной Германии, прифронтовой статус разделенного Берлина, а вместе с тем и определенная германофобия, каковую внушило русским гитлеровское воинство, — все делало нереальным превращение прусско—саксонских земель в фокус советской системы, центр борьбы... ну хотя бы за "освобождение народов Европы от заокеанского господства". Оригинальным подходом к подобной задаче мог бы стать т.н. "план Берия", предполагавший создание по инициативе и с гарантиями СССР "единой нейтральной и капиталистической Германии", фактически противопоставленной НАТОвскому приморью Европы, но, как известно, этот план перечеркнуло июньское восстание 1953 г. в Берлине. Квазиуниполярный Запад складывается как результат такой трансформации биполярной системы, когда один из центров трансформируется в фигуру врага, противостоящего системе как целому извне ее.

Я полагаю, именно в геополитических особенностях ялтинского порядка заключена была настоящая мотивировка тех решений последнего советского руководства, что перевели Россию—СССР в начале 90-х в фазу отката. В предыдущее десятилетие мы вовсе не видим со стороны Запада столь мощного отпора, который помешал бы социалистическому лагерю продлить свое существование в XXI в. Трудно опровергать авторов, утверждающих, что как империя СССР проиграл не в ходе холодной войны, а отказавшись от нее (27). Но, с другой стороны, ссылки на экономическое ослабление СССР, "требовавшее" сокращения внешних обязательств, никак не объясняют надежд, с которыми многие в стране воспринимали забрезживший "мальтийский" порядок. Никогда в прошлом откаты России из Европы не преподносились обществу как "возвращение в Европу".

Возможность таких надежд коренилась в удручающей двусмысленности роли, которую Ялтинская система закрепила за СССР: переживая по логике своего цикла европейский максимум, Империя была отстранена от дел коренной Европы и сосредоточена на строительстве "социалистического лагеря", — что типично как раз для наших евразийских интермедий с их доктринами "российского мира". Однако в предыдущие евразийские "осени" своего цикла Россия, фактически отодвинутая от Европы, виртуально присутствовала в ней в связи с проблематикой восточного центра — как потенциальный соперник Германии или как мыслимое союзническое восполнение немецкого гроссраума. Структура же "маршаллизованной" Западной Европы не оставляла СССР виртуальной позиции во внутреннем строении евро-атлантического сообщества: впервые с начала XVIII в. Россия была Европе не то, чтобы опасна, — такой для многих европейцев она была и при Николае I, и при Троцком, — а не нужна как внутрисистемный элемент. Озабоченность этим положением проглядывает во многих советских политических инициативах второй половины века, начиная с наивного предложения в 1954 г. о созыве конференции по европейской безопасности без американского участия, кончая Хельсинкским пактом и формулой "общеевропейского дома", которую Горбачев наследовал от Брежнева и Громыко (10, с.260, 264).

Не случайно в 70-х с трудами Л .Н. Гумилева и его поклонников советские интеллектуалы начинают воспринимать евразийскую топику. Евразийские черты Империи усиливают "пошедшая в массы" идея китайской опасности, растущий тюркомусульманский демографический процент, наконец, — афганский поход, расширяющий "тотальное поле" России на юг от тех рубежей, где она останавливалась в предыдущих азиатских бросках. Пусть прорабатываемая советской военной мыслью застойных лет концепция большой неядерной войны между СССР и Западом в Старом Свете объективно обслуживала отличающую как раз наши европейские максимумы идею соединения Европы с Россией на российских условиях. Но в раскладе, где СССР получал роль наступающей на западную цивилизацию "восточной", "евразийской" силы, даже успешное завершение этой войны Советами рисовалось не воссозданием восточного центра Евро-Атлантики в виде "евро-советской империи" по Ж. Тириару, а попросту вытеснением цивилизации-хозяина с европейского полуострова в Северную Америку, сообразно с давними мечтами евразийца П.Н. Савицкого.

Во второй половине XX в. с возникновением квазиуниполярного Запада система цивилизаций "Европа—Россия", державшаяся в ее геополитическом воплощении европейской биполярностью, оказывается в своем эволюционном тупике, выходом из которого могла быть либо война, низводящая Европу до чисто географического понятия при любом исходе, либо... то, что попытался сделать Горбачев — и с известными результатами. Сегодня можно сколько угодно удивляться тому, что он надеялся, отрекшись от "евразийского" сепаратизма Империи, воплощенного в контроле над востоком географической Европы, взамен за столбить для руководства СССР в евро-атлантическом штабе единого мирового порядка роль духовного лидера, несущего партнерам "новое мышление". Но почему бы и не попытаться было таким путем снять шизоидную смысловую расщепленность ситуации "европейского максимума вне Европы", если предполагалось, что "железный занавес" по границам западного мира был просто следствием столкновения идеологий и политических систем? Мало кто тогда задумывался над тем, что "Запад" — не просто привлекательный образ жизни, но конкретное сообщество народов, имеющее достаточно жесткую структуру. Не обращалось внимания на то, что принадлежность России в прошлом к этому сообществу была мотивирована его биполярным строением, весьма далеким от нынешнего. Совершенно не обсуждалась та мысль, что "железный занавес" мог обуславливаться не только мощью и пугающими чертами большевизма, но АС тому же и закладывавшейся новой структурой послевоенной Евро-Атлантики, когда глубинная биполярность выражается поверхностной конфигурацией "квазиуниполярность плюс внешняя угроза", предохраняющей западное сообщество от повторения уже пережитых им катастроф внутреннего раскола.

Курс Горбачева, призванный разрешить апорию послевоенного положения СССР в однозначно европейскую сторону, на деле разрешил его в сторону сугубо "евразийскую", разрушив то антагонистическое сцепление, которым держалась на переходном, ялтинском, этапе уже пережившая себя система "Европа—Россия". Это был явный "сбой". Но историк может нам подсказать, что и в прежние времена наступление медиалей в депрессивных сверхдлинных циклах западного милитаризма бывало обычно мотивировано "иррациональными сбоями", выводящими Европу из равновесия, обозначая шансы ее перекройки. Неожиданное завещание испанского короля Карла II, оторвавшего в конце XVII в. Испанию от Габсбургского блока, становится толчком к серии войн за "наследства", в которых восточный центр оказался разделен. Можно вспомнить и то, как на заре XV в. в протоцикле А стечение различных династических конъюнктур и феодальных раздоров порождает полосу больших "имперских" и "антиимперских" войн от Праги до Ла-Манша, в которых вызревала как геополитический принцип европейская биполярность. Похоже, в данных фазах политики и военные становятся обостренно чувствительны к подобным сбоям и к таящимся в них шансам. Аналогичным образом, повторяю, горбачевский "сбой" перевел СВЦIII в его медиаль, когда в больших проектах реорганизации миропорядка предстоит вполне выявиться новым тенденциям военно-политического самоопределения Запада, — думается, не на одно столетие.

Вглядываясь в первые проблески этих тенденций, уже можно предположить: Ялтинская система для Запада — не эпизод, промелькнувший дурным сном. Основные черты нового обустройства во многом будут непосредственно или от противного восходить к особенностям ялтинской эпохи с ее конверсией восточного центра в "восточного врага" и с шоком от того, что этот враг 40 лет виделся топчущимся "от Штеттина до Триеста" на пороге географического дома западной цивилизации. Да, Россия ушла в материковую глубину, но по-прежнему остается возможность трактовать Евро-Атлантику как опасно приоткрытую во вне—, меж- и иноцивилизационный мир, причем как на европейском, так и на североамериканском флангах. Миграционные движения последних десятилетий с севера на юг поддаются осмыслению как первая в истории успешная попытка колонизовать извне евро—атлантический ареал. Контроль над иммиграцией и поддержание культурной "гомогенности" западных наций стали излюбленными девизами европейских консерваторов, причем не только крайних (28). Западные антиутопии с конца 70-х изобилуют фантазиями на тему исламизации Европы*. С. Хантингтон из латиноамериканского и азиатского растущего присутствия в североамериканских городах выводит предсказания насчет предстоящего цивилизационного раскола США.

* Помимо апокалиптических банальностей, типа многомиллионного арабского нашествия через Турцию и Юго-Восточную Европу, можно вспомнить и более оригинальные сюжеты: Э. Бёрджес, "1985" — исламизм как последняя ставка британского правого истеблишмента; Д. Истерман/Знак Зверя" — арабская реконкиста Андалусии в "компенсацию" за Палестину, и др. Надыхавшийся европейским воздухом А. А. Зиновьев суммировал эти галлюцинации в стихке о том, как "вопить будет: "Алла!" с башни Эйфеля мулла".

Так гуманитарно обрамляется геостратегический курс на формирование многослойных и контролируемых Евро-Атлантикой буферов-фильтров, экранирующих ее ядро против внешних инвазий и как бы возвращающих коренному цивилизационному сообществу утраченную способность контактировать с внешним миром на собственных условиях. Рисунок Униполярного Миропорядка в статье А. Страуса с вложенными друг в друга округлыми контурами и "желтком" в их глубине, склеенным из пересекающихся НАТО и ЕС, донельзя нагляден. Похоже, давняя естественная предпосылка полуостровной защищенности Западной Европы, основание многих ее успехов, как и устойчивости ее долгосрочной милитаристской ритмики, — совокупность народов и государств "на входе", позволявших цивилизации уверенно жить собою и для себя, закрывая во II тысячелетии доступ извне к ее дому, — в медиали СВЦ III становится матрицей сознательного неимперского конструирования, которое воздвигает все новые линии искусственных лимесов на евроазиатском материке, удерживающих врага в отдалении от дома.

Да кто же враг-то? Пока что он в полном смысле достоин имени "героя с тысячей лиц": то он определяется как вернувшаяся на путь экспансии Россия, то прикинется исламскими фундаменталистами, Саддамом Хусейном, боснийскими сербами, Великим Китаем — или вовсе расплывается в "терроризме" и "международной нестабильности". Дискурс С. Хантингтона в его "Столкновении цивилизаций" ярко выразил этот дух системы шараханьем от вдохновенной фикции "исламско-конфуцианского союза" к идее "мир против Запада", претворяющей все незападное человечество в потенциальный внешний противовес единственного внутреннего центра квазиуниполярной Евро-Атлантики. Внешний "враг с тысячей лиц" — алгебраический элемент системы. Повторяю, он порожден структурной тенденцией, устраняющей биполярность из поверхностного расклада Запада, и первообразом этого врага послужил СССР, тщетно добивавшийся признания в качестве члена "общеевропейского дома". Мастерски исследованная Чилтоном двусмысленность стратегии "сдерживания" (containment), призванной "удерживать" (to contain) сразу и СССР вне "маршаллизованной" Европы, и Германию — в ее рамках, представляла лишь первое, пробное выражение данной тенденции. Квазиуниполярный Запад — кепп-леров эллипс, где один из фокусов остается пустым.

Надо учесть, что сегодняшняя система "прикрытия" Запада пока не очень надежна: она податлива к внедрению маргинальных народов в структуры "ядра", влекущему размывание этих структур и снижение их дееспособности. Последние примеры тому — сперва массовое устремление восточноевропейцев в НАТО через барьер "Партнерства во имя мира", а затем, когда НАТО, наконец, созрело для первого расширения — угроза Турции, когда-то принятой в эту структуру ради сдерживания СССР на ближневосточном направлении, в принципе блокировать уже намеченное расширение, если турок не примут также и в ЕС. Будущее — за все более дифференцированной системой относительно независимых друг от друга лимитрофных эшелонов, прикрывающих цивилизационное ядро на подступах все более отдаленных. Частью этого "внешнего домостроительства" станут и введение в НАТО "европейцев второго разряда" при демонстративном соглашении с Россией насчет особой трактовки этих территорий; и совершенствуемое "Партнерство во имя мира"; и разнообразные "декларации об особых отношениях"; и создание поясов более-менее "управляемого ислама", в основном тюрко-славянского, между Европой и арабо-иранским Ближним и Средним Востоком и т.д. (не вдаюсь в детали, ибо не намерен конкурировать в подобных перечнях с гг. С. Кургиняном и А. Суриковым).

Из этой картины российским политикам следовало бы извлечь, по крайней мере, два следствия. Первое. Оборудование лимитрофов представляет собою универсальную имперскую геостратегическую технику. Поэтому следует исходить из того, что нынешний квазиуниполярный Запад представляет собою империю хорошо известного "мягкого" типа "дом домов" (12, с. 21). Однако он ни в коей мере не является той Мировой Империей, какой его видел когда-то Г. Федотов: об этом говорит сама политика создания лимитрофов вокруг романо-германского ядра. Второе. Становление этой структуры шло рука об руку с разложением системы "Европа—Россия", основанной на биполярности западного сообщества. И постольку, поскольку имперская структура реально обслуживает разнообразные — экономические, оборонные, престижные и т.д. — интересы западных народов, возрождение системы цивилизаций "Европа—Россия" как геополитического образования не выглядит возможным. Это образование ушло в прошлое вместе с той закончившейся югой западного милитаризма, которую составляли СВЦ I-II. "Третья осень" нашего имперского геостратегического цикла предстает итогом существования этой

системы. Именно поэтому надо избегать любых проектов, основанных на логике наших прежних евразийских фаз и "похищений Европы".

Я писал в "Острове России" и сейчас думаю так же, что нашей общественности следовало бы воспринять сжатие России как стимул к поиску нового цивилизационного самоопределения, опирающегося на пересмотренную геостратегию. Все, что русские почерпнули на Западе, уже никуда от них не уйдет, и к этим почерпаниям могут быть присоединены еще многие иные, но частью европейского мира, как в прошлом и на тех же правах, Россия, скорее всего, уже не будет. В разработке модели "острова России" меня весьма воодушевляла выявленная М.В. Ильиным на материале средневековой Европы и токугавской Японии схема выхода имперских обществ на органическую модернизацию через промежуточную ступень геополитически замкнутых "хризалид", "духовных империй", с разделением центров политических и сакральных, когда "всеблагой и вездесущий" духовный центр перестает быть собственно центром, а выступает "сущностью целого" (12, с. 27). Частью политики, обеспечивающей возможность такого развития, должно было бы стать использование внешних постсоветских пространств как окутывающих и защищающих Россию евразийских оболочек "хризалиды". Сейчас я думаю, что шансы такой политики, вполне реальные для первой половины 90-х, к концу десятилетия оказываются если не вовсе утеряны, то сведены к минимуму рядом факторов.

Я укажу лишь на один из них. Запад, сперва ошарашенный событиями 1989—91 гг., не только сумел их рационализировать, представив себя "победителем холодной войны", но и многих русских "инфицировал" подобным видением. Тем более что оно вполне отвечает логике нашего цикла с его фазой Д — отбрасыванием русских на восток сплотившейся Евро-Атлантикой (хотя в 80-х этого как раз и не было). Своеобразие ситуации затушевывается патриотическими мыслителями, пропагандирующими "собрание Больших Пространств" и "Россию в Евразии", подверстывая ситуацию под все тот же стандартный график. Сейчас мы имеем дело уже не с продолжением нашего великоимперского цикла, но с идеологической имитацией его продления. Для идеологов и политиков судьбы страны и мира как бы делятся неким исторически известным порядком и от их внимания ускользает главное: основания, на которых держалась система "Европа—Россия", ликвидированы в условиях наименее благоприятных для русских.

Не буду сейчас говорить о соблазнительной наивности уже как будто исчерпанных расчетов — востребовать для России роль евразийского "второго Рима", который сосуществовал бы наряду с первым, евро-атлантическим "Римом" либеральной демократии, организуя и обустривая неподконтрольные тому континентальные протяженности (29). Легко убедиться, что в рамках квазиуниполярного миропорядка любой не входящий в ядровые структуры Евро-Атлантики претендент на статус "второго Рима" в западной Евро-Азии скорее всего будет расценен как "тот самый" враг цивилизации и внешний противовес ее основному центру, оправдывающий своим присутствием имперскую сплоченность "свободного мира". По логике системы, в случае, если бы действительно понадобилось делегировать какой-то столице роль лимитрофного "второго Рима", неизмеримо более привлекательным кандидатом была бы уже "прижившаяся", по крайней мере, в части евро-атлантических институтов за время холодной войны Анкара. А чего, собственно, хотим мы?

Не менее спорными сегодня выглядят попытки применить к отношениям между Россией и странами Запада традиционные для СВЦ-II "реалистические" модели, вроде модели баланса внешних связей, когда России советуют сблизиться с Германией, чтобы уменьшить влияние США и, между тем, контактируя с Англией, Италией и Францией, избегать чрезмерной зависимости от Бонна. В конце XX в. надо постоянно иметь в виду — и в этом смысле статья А. Страуса проливает холодный душ на головы наших "реалистов", — что сегодня мы на Западе имеем дело не с автономными силами, стремящимися в свободной борьбе максимизировать свой выигрыш, а с провинциями "мягко" структурированной империи, где территориальные и надтерриториальные (пример — МВФ) субцентры давно притерлись друг к другу и усвоили правила кооперативной — "постисторической", по Ф. Фукуяме, — игры, противопологающие это сообщество внешней ойкумене. Отношения Москвы с западными столицами подчиняются сегодня принципам не международного баланса, но скорее лоббирования российских интересов в административных структурах чужой империи, что порою обрекает нашу дипломатию на участь героя кафковского "Замка". Этим не исключается, что те или иные руководства в контактах с Россией могут устраивать свои собственные гешефты, в том числе при согласованном распределении амплуа "добрых" и "злых" полицейских.

Наконец, сегодня у многих авторов стало поистине модой — проскакывая в будущее по якобы еще длящемуся геостратегическому циклу России, рассуждать о ее предстоящем выборе в новом биполярном мире, где разыграется борьба между США и объединенной Европой или уж, во всяком случае, между США и "Большой Германией". Кое-кто приветствует якобы неизбежное российско-германское сближение против "американского диктата" (не смущаясь переключками с радикалами группы "Элементов"). Иные же сетуют на неразумие американцев, как-то не желающих лопнуть, насколько "сильная Россия" помогла бы "дяде Сэму" уравновесить Большую Германию. Прогнозеры этого толка рассуждают так, будто Россия уже разыграла с блеском свою евразийскую интермедию и вот—вот какой-то из вздыбившихся друг на друга сверхдержавных западных центров пригласит ее посочаствовать в "реконструкции Больших Пространств". В общем этот сюжет опирается на аналогии с историей возвышения Второго и Третьего рейхов. Тогда наши евразийские откаты стимулировали взбухание в Европе восточного центра на северогерманской основе, с которым потом Россия то шла на сговоры, то схлестывалась в борьбе на уничтожение. Следует ли в новом СВЦ рассчитывать на такое развитие?

Авторам, склонным прозревать в годах, как "постиндустриальная поступь ЕС будет беспрепятственно подкреплена интеллектуальными и сырьевыми ресурсами бывшего СССР", так что "североамериканский гигант рискует проиграть соревнование с этим объединенным центром экономической мощи" (30), — следовало бы задуматься над одним несложным аргументом. Никакая политика Запада не сделает его доступ к "интеллектуальным и сырьевым ресурсам бывшего СССР" настолько "беспрепятственным" как координированная политика "обустройства" лимитрофов, ставящая все новые территории под прямой или косвенный контроль субцентров цивилизации-лидера. Но такая стратегия, которую успешно и на благо всех своих членов проводит квазиуниполярный Запад, была бы чрезвычайно осложнена, если бы его "дом домов" "разделился в себе". Для этого сообщества на самом деле выбор сводится к двум вариантам: либо биполярность, либо имперское освоение лимитрофов, формально направленное на защиту цивилизации от "врага с тысячей лиц". Последняя же стратегия делает возможными самые разные "освоительские" варианты: от свободной конкуренции капиталов до признания за той или иной страной мирохозяйственного Центра преимущественных прав на геоэкономическую инициативу в определенной "внешней провинции", скажем, на русском Северо-Западе. "Интеллектуальные и сырьевые ресурсы" этих областей не уйдут от обществ Центра. И для того, чтобы утилизировать эти ресурсы на лучших условиях, европейцам вовсе не надо "блокироваться с Москвой" и ссориться с американцами, а предпочтительнее вместе с теми проводить совместную военную, хозяйственную и культурную политику — от евангелизации русских до "инвестирования под закрытие" наших конкурентных производств, — подталкивающую Россию к оползанию в лимитрофы. Империя поедает империю. Негодование наших патриотов по поводу проявлений такой политики — смешно, но самообман — еще смешнее.

Конечно, нельзя исключать многократно обсуждавшегося сценария с "перенапряжением" США и переходом лидерской миссии на западе Старого света к Большой Германии или, скорее, к германо-французскому ("франкскому") содружеству. Но такое развитие, которое могло бы быть катализировано какой-нибудь существенной военно-политической неудачей США, скорее всего, означало бы просто передвижение имперского центра, не дающее русским никаких особых шансов, подобно тому, как в конце 40-х, вопреки ожиданиям Сталина, США без большого конфликта сменили Англию в роли ведущей военно-морской державы. А. Страус совершенно прав, когда в своем начертании Униполярного (для меня — квазиуниполярного) Миропорядка отождествляет его ядро на сегодняшний день не с какой-то конкретной страной, а с обществами и институтами, имеющими ареальную привязку к Евро-Ат-лантике. Такое понимание имперской униполярности, будь оно хорошенько воспринято русскими, избавило бы их от американофобских, германофильских и иных подобных -фильских и -фобских химер.

Наконец, ошибочно думать, будто для России сегодня какие-то серьезные альтернативы заложены в выборе между зависимостью от Запада и конфронтацией с ним. Даже увлекшись духом вызова Западу, она не уклонится от удела "лимитрофного царства", прикрывающего коренную Европу на некоторых направлениях от исламского юга, а заодно своим существованием ограничивающего на Тихом океане экспансию Китая (31). В этом случае наша страна окажется неким подобием "версальской" Польши 20-х и 30-х, которая, будучи неизменным жупелом для Советов, на деле их страховала от сколько-нибудь масштабной западной агрессии. С другой же стороны, даже если московское руководство определенно изберет роль послушного "меньшого братца" перед "мировым цивилизованным", не может быть никакой уверенности в том, что, с точки

зрения последнего или, по крайней мере, некоторых действенных его подструктур, лимитрофные функции должны быть уготованы политически целостной России, а не ряду образований с автономным геоэкономическим и в некоторых случаях оборонным назначением. Распря с Западом не спасет от географически неизбежной "работы" на него, а безоглядная на него ориентация сама по себе не гарантирует России ни устойчивости, ни выживания, ни будущего.

Надо думать не в категориях "зависимость или конфронтация", а признав "третью осень" системы "Европа—Россия" как Большую Реальность, взвесить факторы, которые можно было бы противопоставить оползанию страны в "цивилизационно серые" пространства лимитрофов со всеми уже прозрачными последствиями для культуры и народа. Скажу только о том, что мне представляется в ближние сроки важнее всего, а в среднесрочной дали могло бы стоять наравне с затрагивавшимися мною в других работах задачами формирования у России собственного внешнего пояса территорий-прикрытий, а также создания нового общегосударственного центра на нашем востоке (32).

В рамках хронополитической типологии автора теории "хризалид" М.В. Ильина фаза зрелой современности характеризуется "транстерриториальными (глобальными) политическими системами на базе телекоммуникаций и возрождения политической риторики в новом качестве". Эти, во многом заступающие место "колониальных империй, сфер интересов и неоколониалистских шлейфов более совершенные и гибкие глобальные информационные сферы, в которых могут получить продолжение развитие национальные инфраструктуры", сам автор броско именует "хоритиками" или "мировыми деревнями" (12, с. 49; 33).

Как соотносится Россия с подобным представлением о развитии модерне? Надо признать, что по многим параметрам наша страна сейчас далека от типа нацигосударства — достаточно обратиться к ее сомнительным и зыбким границам. Внедрение иных цивилизационных общностей и державных центров на сопредельные с нею "территории-проливы", мятежи иноплеменной Евразии по кайме самой России (Чечня!) делают весьма шаткими надежды на вхождение России рубежа тысячелетий в благоую фазу "хризалид", предполагающую надежное геополитическое "оукливание". В высших своих достижениях Россия никогда еще не выходила из стадии Империи — политической проекции идеала Мирового Града на относительно самодовлеющий географический ареал планеты. Вместе с тем российский шанс на прикосновение к наиболее зрелой современности существует, и он сопряжен с ее потенциалом формирования над Землею мощной информационной сферы.

Важнейшая надежда России не быть захлестнутой лимитрофами (как евроатлантическими, так и своими собственными) должна быть на первых порах связана с этим проектом, требующим серьезного преобразования нашей системы масс-медиа: образом российского Мирового Града как "всеблагого и вездесущего", растворенным в зрелищах, и звуках российской информационной "мировой деревни".

1 Данилевский Н Я Европа и Россия М , 1991

2 Савицкий П Н Географические и геополитические основы евразийства - Евразия Исторические взгляды русских эмигрантов М , 1991

3 Parker WH Europe How Far?- "Geographical Journal", vol 126,1960

4 Delanty G Inventing Europe Idea, Identity, Reality N Y , 1995, p 54 f

5 Bassm M Russia between Europe and Asia The Ideological Construction of Geography - "Slavic Review", vol 50, 1991, p 6 f Об обстоятельствах возникновения идеи "Европы до Урала" также см Татищев В Н Общее географическое описание всея Сибири - Татищев В Н Избранные труды по географии России М , 1950, с 50

6 Humboldt von Kosmos Bd I Stuttgart-Tubingen, 1845, S 309, 351

7 Ламанский В И Три мира Азийско-Европейского материка 2-е изд Пг,1916, с 27,30

8 О средневековом отделении коренной (германо-франко-итальянской) Европы от периферийной см Gollwitzer H Zur Wortgeschichte und Sinndeutung von "Europa" - "Saeculum", 1951, Bd 2, S 166, Hay D Europe the Emergence of the Idea Edinburgh, 1957 p50f

9 Энгельс Ф Действительно спорный вопрос в Турции - Маркс К , Энгельс Ф Сочинения 2-е изд М , 1957, с 15

10 ChiltonPA Security Metaphors Cold War Discourse from Containment to Common House NY, 1996

11 См Дьяконов ИМ Пути истории М,с 115,117

12 Ильин МВ Очерки хронополитической типологии Ч II-III М , 1995

13 АмбеленР Драмы и секреты истории М, 1993, с 18 и ел

14 Цымбурский В Л Сверхдлинные военные циклы и мировая политика - "Полис", 1996, № 3

15 RobertsonW History of the Reign of Charles the Fifth L, 1856, vol I p X

16 Татищев В Н Лексикон российский -Татищев В Н Избранные произведения М, 1979, с 271

17 Ключевский В О Императрица Екатерина II (1729—1796) - Ключевский В О Исторические портреты М,1990,с 307

18 Серафимово послушание М , 1996, с 78

19 Литературное наследство Т 97 41 М , 1988, с 225

20 Цымбурский В Л Остров Россия Перспективы российской геополитики - "Полис", 1993, № 5, Он же Циклы похищения Европы (Большое примечание к "Острову России") - Иное Хрестоматия нового российского самосознания Т 2 М , 1995

21 Подробнее см Цымбурский В Л Тютчев как геополитик - "Общественные науки и современность", 1995, №6

22 Слова К Клаузевица о боевых действиях в депрессивном СВЦ I см Клаузевиц К О войне Т 2 М , 1936, с 353

23 См Ржевская Е М Геббельс Портрет на фоне дневника М , 1994, с 276, 278

24 Трубецкой Н С Русская проблема - Трубецкой Н С История Культура Язык М , 1995, с 299

25 Тютчев Ф И Русская звезда М , 1993, с 417 (письмо к Э Ф Тютчевой от 9 09 1855)

26 GaddisJL The United States and the Origins of the Cold War 1941— 47 NY, 1972, p 330

27 Например, см у автора, которого в патриоты никак не запишешь Фурсов А И Колокола истории -"Рубежи", 1996, №7, с 14

28 См Рормозер Г Кризис либерализма М , 1996, Рормозер Г , Френкин А А, Новый консерватизм вызов для России М , 1996

29 Панарин А С Россия в цивилизационном процессе М , 1995, с 99

30 Богомолов П От полунамеков — к конкретике - "Правда~5", 4 03 1997

31 Ср Балувев Д Г Перед ответственным выбором - "Pro et contra", 1997, Г 2, №1, с 74

32 См Цымбурский В Л Метаморфоза России новые вызовы и старые искушения - "Вестник МГУ", Серия 12, 1994, № 3, 4, Он же Зауральский Петербург как альтернатива для российской цивилизации - "Бизнес и политика", 1995, №1

33 Ильин МВ Хронополитическое измерение по ту сторону Повседневности и Истории -"Полис", 1996, № 1, с. 67.